

Призраки старого кладбища

Ася Василевская,
Ксения Высоцкая, Александра Горячко,
Ксения Зарецкая, Юлия Июльская,
Дария Каравацкая, Эл Моргот,
Дарья Соловей

рассказы

МИО

**Ксения Зарецкая
Ася Василевская
Дария Каравацкая
Ксения Высоцкая
Юлия Июльская
Эл Моргот
Дарья Соловей
Александра Горячко**

Призраки старого кладбища
Серия «МИФ × Шуфлядка Писателя»
Серия «МИФ Проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74030837

*Призраки старого кладбища / Ася Василевская, Ксения Высоцкая,
Александра Горячко, Ксения Зарецкая [и др.]: ООО «МИФ»; Москва;
2026*

ISBN 9785002810079

Аннотация

Старые кладбища хранят не только имена и даты – в тени оград, под сводами шляхетских усыпальниц и в глубине фамильных склепов живут забытые истории. То, что казалось

навсегда погребенным, вновь дает о себе знать: призраки прошлого помнят, ждут и иногда зовут по имени тех, кто решается потревожить чужую память.

«Призраки старого кладбища» – сборник из восьми мистических рассказов о тайнах белорусских кладбищ, о зыбкой границе между миром живых и мертвых. Здесь духи таятся повсюду: в шелесте травы около забытых могил, в холоде каменных крипт. И стоит прислушаться – уже кто-то зовет вас по имени из темноты...

Содержание

Информация от издательства	8
Предисловие	9
Дария Каравацкая. Некрополь года	12
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Ася Василевская, Ксения
Высоцкая, Александра
Горячко, Ксения Зарецкая,
Юлия Июльская,
Дария Каравацкая, Эл
Моргот, Дарья Соловей
Призраки старого
кладбища**

Информация от издательства

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Василевская А., Высоцкая К., Горячко А., Зарецкая К., Июльская Ю., Каравацкая Д., Моргот Эл, Соловей Д., 2026

© Составительство. Кучинская А., Стрингель Е., Айкон Н., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Предисловие

Беларусь населена духами и легендами прошлых эпох. На наш взгляд, одними из самых таинственных, загадочных и мрачных мест в стране являются захоронения предков. Многие белорусские кладбища, крипты, усыпальницы и курганы овеяны историями о мистических существах. Оказавшись возле готических склепов времен Речи Посполитой, прогуливаясь между покосившихся крестов времен наполеоновских сражений, спустившись в крипту рода Радзивиллов, то тут, то там невольно начинаешь слышать таинственные шорохи и вспоминать легенды, которые знаешь с самого детства.

В этой книге вас ждут восемь рассказов от талантливых белорусских авторов, которые бережно собрали легенды о реально существующих местах нашей страны и превратили в завораживающие истории, связанные с захоронениями, отразив уникальный колорит белорусских земель.

Перед каждым рассказом мы добавили небольшую сводку о месте, которое фигурирует в сюжете. Это не только позволит проникнуться атмосферой и узнать предысторию локации, но и, возможно, вдохновит побывать там в качестве туриста и увидеть все своими глазами.

Над созданием этого сборника работали сразу четыре команды: сами авторы, жюри, которое отбирало рассказы, со-

трудники издательства МИФ и соосновательницы сообщества «Шуфлядка Писателя». И если вы еще не слышали о нашем комьюнити, самое время представиться.

«Шуфлядка¹ Писателя» – это сообщество современных писателей, которое основали Алена Кучинская, Екатерина Стрингель и Ника Айкон. Нашей изначальной целью было объединить авторов из Беларуси в теплое и поддерживающее комьюнити. В данный момент оно насчитывает более двухсот пятидесяти авторов и непрерывно растет. И теперь мы стараемся помогать авторам дотянуться до читателей, а читателям узнать о прекрасных белорусских писателях.

В этом сборнике вы найдете рассказы не только о белорусских кладбищах, криптах, усыпальницах и склепах, но и о человеческих судьбах, потерях, любви и вере в то, что за самым темным часом обязательно следует рассвет.

Этот сборник стал нашим дебютным в рамках серии «МИФ × Шуфлядка Писателя». Надеемся, что нам удалось погрузить вас в таинственную атмосферу белорусских земель и сборник не только пробудит в вас интерес к нашей стране и ее авторам, но и поможет еще сильнее полюбить саму жизнь.

Будем счастливы вашей поддержке и пожеланиям удачи этой серии. Мы волнуемся, но верим, что наши авторы и их

---

¹ Шуфлядка (*бел.*) – выдвижной ящик стола, комода или шкафа. Именно там белорусские авторы хранят свои рукописи до того, как они окажутся опубликованными. *Примечание составителей.*

замечательные истории найдут отклик в ваших сердцах.

В добрый путь!

*С любовью,
соосновательницы «Шуфлядки Писателя»
Алена Кучинская, Екатерина Стрингель, Ника Айкон*

Дария Каравацкая. Некрополь года

Дария Каравацкая

Некрополь года

Военное кладбище на улице Козлова – один из старейших некрополей Минска, возникший в XIX веке у военного лазарета. Под сенью храма Александра Невского, построенного в 1896–1898 годах как памятник воинам Русско-турецкой войны, покоятся солдаты, офицеры и горожане разных эпох. Узкие аллеи, старые деревья и потемневшие надгробия создают особую мрачную атмосферу в самом сердце города.

Альберт Петрович проиграл. Драгоценный титул «Некрополь года» ушел к пареньку из Северного всего лишь за свежие дорожки, выбеленные мраморной крошкой. А следом вдобавок история приключилась, и совершенно не вовремя...

Начиналось все как обычно. Собрание зрителей под видом поминального обеда выдалось утомительным и разочаровывающим. Обсуждалось вечное: у кого захоронили долгожителя, где самая ухоженная калитка, у кого реже прочих на поминки «опять никто не пришел», где нынче статуи помпезнее. После, за киселем с творожным кремом, подвели итоги. И переходящий титул, увы, уплыл из рук Альберта Петровича.

Возвращался зритель на свое Военное кладбище на Козлова пешком через весь Минск. В руках он нес пустую, но от этого не менее отягощающую папку с отчетностью. Титул был утерян. Двенадцать лет победной поступи – и вот

такой щелчок по носу. Город вокруг сиял, жил, торопился, но внутри гудела только одна простая обидная мысль: столько лет, а оказалось – какие-то свежие дорожки одним махом решают все.

Само кладбище в предвечерних сумерках встретило его молчаливым, строгим спокойствием. Фонари, зажженные позже срока, – экономия! – отбрасывали на тропинки длинные зыбкие тени, в которых знакомые каменные стражи обретали таинственные, чуть укоризненные очертания. Здесь все было на своих местах: и ряды солдатских плит, строгих, как шеренги, и почтенные надгробия профессоров и ученых, и тишина, густая, почти осязаемая, прерываемая лишь скрипом трамваев за оградой да редким карканьем воронов. Рутинка. Вечная, умиротворенная рутинка. И лишь в сердце Альберта Петровича копошился червь досады.

На пороге красного административного домика, больше похожего на сторожку, подждал старший охранник Юра, пропахший табаком, сканвордами и ночным растворимым кофе.

– Альберт Петрович, – Юра не смотрел в глаза, что уже было дурным знаком, – тут у нас... мадам одна...

– Какая еще мадам? – отозвался смотритель, снимая пальто и водружая его на вешалку. – Опять репортеры? Говорил же, без моего позволения...

– Да не. Посетительница.

– Вот те на! Посетительница на кладбище! Ну диво див-

ное... – Альберт Петрович к этому моменту совершенно разозлился и, взмахнув руками, бухнулся в кресло у окна. – Юр, я сейчас сяду на коня², ты давай-ка выкладывай, не тормози.

И охранник, коверкая слова, сбиваясь и покашливая, изложил суть. Девушка лет тридцати, не более, приходит вечерами раз в три-четыре дня. Одевается «не по-здешнему». Не буднично, не траурно, а словно на премьеру в театре: воздушные платья, жакеты, туфли на тонких каблучках. Ходит не спеша по центральной аллее, что ближе к храму, а потом ныряет в сектор левее, к могилам творцов. А вернее, непременно идет к одной и той же. И если после подойти туда, можно уловить шлейф дорого цветочного парфюма, который совершенно не вяжется со здешним запахом ладана и влажной земли.

– Куда именно она ходит? – нахмурился Альберт Петрович, мысленно пробегая по списку тех усопших, чьи имена все еще гремели в памяти народа.

– К одному автору...

– Якубу Коласу? Янке Купале? Может, Кузьме Чорному?

– Мимо...

– Юра! – Альберт Петрович ощутил, как желваки болезненно напряглись. – Что за мадам, куда ходит, ну?

---

² В Беларуси выражение «сесть на коня» используется в значении «разозлиться, выйти из себя». Конечно, даже во время такого происшествия вы можете «быть на коне». *Здесь и далее примечания автора.*

– К какому-то... Владимиру Хутко-Зничке. Вроде поэт. Помер в позапрошлом веке. Никто к нему не ходил, да и разве слышал о таком?

Альберт Петрович замер. Если в его бесценном некрополе завелась какая-то щеголиха, вычурно навещающая забытого поэта, это явно издевка судьбы. Горькое предчувствие сжало его изнутри. Сложно было объяснить, но он чувствовал, как история, пахнувшая скандалом и насмешкой, уже ступила на его мшистые дорожки и направлялась напрямиком к заброшенному камню с полустертой эпитафией. И остановить ее, если верить предчувствию, будет куда сложнее, чем выиграть какие бы то ни было игры.

– Так, давай... Повтори-ка все заново, обстоятельно, – сказал Альберт Петрович, тяжело вздыхая и подмечая краем глаза на столе свежие сметы на покраску оград. – Без твоих «странно» и «не по-здешнему». Что делает, куда смотрит. Если вся ее «странность» сводится к каблукам и визиту к поэту, ты свободен.

Юра неуклюже придвинул стул и опустился, по старой привычке откашлявшись хорошенько.

– Вид, Петрович, самый что ни на есть благородный. Лицо светленькое, не заплаканное. Спокойное такое. Идет не спеша, будто по парку. Одета, как я уже говорил, модненько так, со вкусом. – Юра сделал паузу и твердо продолжил, хотя всплывший румянец выдавал его страх показаться глупцом и выдумщиком: – И каждый раз идет напрямую к Хут-

ко-Зничке. Я в первый раз как заметил, так и проследил издали. Прямо к нему. Стоит, сперва долго смотрит. Потом руку кладет на плиту. Может постоять так, поговорить минут пять. Я к памятнику потом подошел – там ничего, пыль да мох. Ни цветочка, ни свечки. Заброшенная могилка такая...

– И на этом вся твоя история? – с нарочитым спокойствием спросил Альберт Петрович, хотя внутри уже кипело неприятное щекотливое чувство. – Грустит дамочка об утраченной поэзии, вспоминает. Может, филолог она, может, историк какой. Или родственница в конце концов.

– Так-то оно так. – Юра замялся, покрутив в руках фуражку. – Да вчера она была с... угощением.

– С каким угощением?

– Белые пирожные и... бутылка вина. И два бокала в чехольчиках бархатных. – Юра произнес это шепотом. – Подошла к постаменту, налила в оба бокала. Один себе, другой к надгробию поставила. Сидела, попивала, что-то рассказывала, смеялась. Я тут же подошел к барышне. Вежливо так: «Гражданка, у нас распитие запрещено законом, время и место неподходящие». А она на меня взглянула – глазки чистые, ясные – и говорит: «Простите, я не знала. У нас с Владимиром был особый повод, небольшой романтический праздник. Свидание...»

Тишина в кабинете повисла густая, уж больно напоминающая обеденный кисель. Альберт Петрович откинулся на спинку кресла, и скрип кожаной обивки прозвучал неверо-

ятно громко.

– Свидание, значит, – повторил он без интонации. – Романтическое... С покойником. Позапрошлого века.

– А я о чем! – оживился Юра. – Я ей так и сказал! Мол, гражданка, может, вам не сюда, а это самое... к врачу, в Новинки?³ Она не обиделась даже, улыбнулась мне и говорит: «Вам, вероятно, кажется, что я ненормальная. Но он меня сегодня правда очень ждал». Собрала свои бокалы, бутылку, пирожные – все осталось чистенько, я проверил – и ушла. А я, значит, в этих интернетах вечерком глянул... Да вы, Петрович, вот сами гляньте.

Он достал из кармана смартфон в потрепанном чехле-книжке, потыкал пальцем и протянул зрителю. На экране мелькали кадры, снятые, судя по ракурсам, из окон соседних домов. Та самая женщина в светлом пальто, с изящной укладкой, под арию *The Phantom of the Opera*⁴ изящно стоит у старого камня, держит бокал. Под видео – уже сотни комментариев. «Вау, вдова вампира?», «Не зовите меня на вечеринку, если она не похожа на...», «Это же кладбище на Козлова? Ищу фотографа для такой съемки», «Кошмар, до чего дожили! Позор!!»

Альберт Петрович почувствовал, как по спине побежал

---

³ Новинками в Минске принято называть психоневрологический диспансер в одноименном районе.

⁴ Песня из мюзикла по роману Гастона Леру «Призрак оперы», в котором герои ищут разгадку тайны призрака театра: существует ли призрак, а может, за ним прячется человек, или все вовсе является затейливым розыгрышем.

холодок, несмотря на духоту кабинета. Пока что не скандал. Но уже повод для пересудов. Уже пятно на репутации. Уже – пища для зубоскальства его коллег-смотрителей, которые только и ждут, чтобы ткнуть носом в его беду: «Что, Петрович, не только титул потерял, но и порядок в царстве мертвых не можешь сохранить? Развел у себя шуры-муры с призраками!».

– Хорошо, Юра, – сказал он, возвращая телефон. Голос его звучал устало и сухо. – Дежурить усиленно. Как увидишь ее снова – пиши, звони мне. И чтоб никаких новых поводов для видео. И без фотосессий. И уж тем более без романтических свиданий! Особенно таких.

Когда охранник ушел, Альберт Петрович долго сидел, глядя в запыленное окно на ряды памятников. Сумерки опять сгущались, налипая на камни сизым влажным налетом. Покой. Вечный, как ни странно. И в этот покой, точно жестяная стружка в отлаженный механизм, вонзилась эта «мадам». Он мысленно еще раз пробежался по списку почтенных авторов, покоящихся под его надзором. Почему она ходит к совершенно неприметному Хутко-Зничку? Не к Коласу, не к Купале...

Ощущение помехи медленно перерастало в нервное, щемящее напряжение. Титул был потерян. Под угрозой упорядоченная жизнь некрополя. И он этого так просто не оставит!

Ожидание растянулось на три дня, которые Альберт Пет-

рович провел в состоянии томительного, почти болезненно-го любопытства, смешанного с досадой. Он ловил себя на том, что во время обхода невольно сворачивает к старому сектору и бросает взгляд на тот самый, ничем не примечательный камень с полустертой эпитафией «Владимир Хутко-Зничка. 1843–1872. *И сердце мое, точно ветер, уходит в железные дали...*». Быстрый поиск в сети выдал, что последняя строка из его единственного сборника «Железные души». Могила была типичной для забытых одиноких усопших: небольшой памятник покосился от времени, порос темным зеленым мхом, в цветочном углублении аккуратно стояла веточка камелии, которую на днях принесла та самая «мадам». Никакой тайны, кроме привычного забвения и равнодушия большинства.

На четвертый день, под вечер, когда солнце, выглянув на минутку из-за туч, окрасило гранитные плиты в мягкий медовый цвет, Юра, запыхавшись, доложил: идет.

Альберт Петрович, отложив в сторону ведомость по замене лампочек, вышел из конторы без пальто, в одном служебном пиджаке. Он двигался неспешно, с видом начальника, совершающего плановый обход, но сердце его стучало глухо и часто, словно он шел не на встречу со странной посетительницей, а на первую в жизни хирургическую операцию.

Картина была точь-в-точь как в описании Юры, но вживую еще более вызывающе нелепой и в то же время завораживающей. Молодая женщина стояла у плиты в не по сезо-

ну легком элегантном пальто песочного цвета, с шелковым платком на голове. Она не плакала, не шептала заклинаний, как некоторые здешние. Она просто смотрела на камень с тихим, сосредоточенным вниманием, будто читала невидимый текст. От нее шел яркий шлейф цветочного, но терпкого, дорогого парфюма, абсолютно чуждого здешним запахам сырости, старого железа и ладана. А после она наклонилась ближе и медленно подняла с земли... Конверт? Но откуда он?..

– Добрый вечер, – произнес смотритель, приблизившись, – я смотритель кладбища, Альберт Петрович.

Она вздрогнула и обернулась. Лицо у нее было и впрямь приятное, интеллигентное, с большими светло-серыми глазами, в которых отражалось скорее удивление, нежели испуг.

– А... Здравствуйте, – сказала она голосом мягким, немного сбитым с толку. – Что-то случилось?

– В некотором роде, – кивнул Альберт Петрович, стараясь придать своему тону ровную, деловую интонацию. – Мои сотрудники обратили внимание, что вы... регулярно навещаете эту могилу. И в последний раз ваше посещение носило несколько... нестандартный характер. С некоторыми напитками.

На ее щеках выступил легкий, смущенный румянец. Она опустила глаза на конверт в своих руках.

– Да, это было глупо с моей стороны, – тихо призналась она. – Я понимаю, как это выглядело... Просто... это была

наша дата. Полгода с первого письма.

– Первого письма? – Альберт Петрович почувствовал, как почва под ногами, и без того зыбкая, окончательно поплыла. – Вы хотите сказать, что переписываетесь? С Владимиром Хутко-Зничкой?

Она посмотрела на него прямо, и в этом взгляде не было ни безумия, ни вызова. Была лишь твердая, непоколебимая уверенность, от которой становилось как-то не по себе.

– А что же, если и так... Он пишет мне. Оставляет письма здесь, у камня. И бывают к тому же небольшие подарки.

Ветер, холодный и резкий, донес с улиц запах трамвайных путей и городского смога. Альберт Петрович с трудом сдержал вздох.

– Милочка, как вас зовут?

– Вероника.

– Вероника... Понимаете, то, что вы говорите... Это звучит довольно, так скажем, необычно. Человек, чьи даты жизни указаны на этом камне, умер более ста пятидесяти лет назад. Боюсь, он физически не может писать вам, как бы сам того ни хотел.

– Поверьте, я знаю, как это звучит, – отозвалась она, и в ее голосе впервые прозвучали нотки легкого раздражения, какое бывает у ученого, которому оппонент тычет в глаза азбучными истинами. – Я сама сначала не верила. Думала, чья-то дурацкая шутка. Но... Посмотрите сами.

Она отложила свое письмо в карман пальто и достала из

изящной маленькой сумки сложенный вчетверо листок. Бумага была не современная, а плотная, желтоватая, с неровными краями, будто оторванная от старого альбома. Смотритель, испытывая смесь острого любопытства и глубочайшего профессионального неприятия всей этой мистификации, взял лист. Почерк был старомодный: буквы с вензелями, выведенные, несомненно, пером и чернилами. Содержание повергло его в полный ступор. Это были строки страстного, немного высокопарного, в духе символизма прошлых веков, любовного послания. «Мой светлый ангел, Вероника... Ласковый луч моего царства тьмы! Твой образ, будто забытая мелодия, терзает стены моего замершего сердца... Будучи мертвым, погибаю от невозможности узреть тебя еще хотя бы раз...» Петрович съежился от этой напыщенности. Тем не менее текст был красив. Такой почерк требовал либо таланта, либо огромного старания.

– Видите? – тихо спросила Вероника, забирая обратно письмо. – Это его стиль. Вы наверняка не читали сборник «Железные души», но там те же образы, тот же строй фраз. Это – он.

– Это скорее искусная подделка, – возразил Альберт Петрович. – Кто-то... разыгрывает вас. Изучил творчество поэта и...

– И зачем? – перебила она, и в ее глазах вспыхнул огонь упрямой веры в свою правоту. – Кому нужна такая сложная, долгоиграющая шутка? Чтобы подкладывать мне через мо-

гилу незнакомого человека письма, цветы, шоколад? Чтобы дарить вот это?

Она вновь полезла в сумку и достала маленькую изумрудную шкатулку. Открыв ее, она показала изящную старинную брошь в виде стрекозы с крошечными сапфировыми вставками. Вещь выглядела ценной и абсолютно неуместной здесь, среди мартовской грязи и изморози.

Альберт Петрович молчал. Все его логичные, приземленные аргументы разбились об эту тихую уверенность, о материальные, хоть и абсурдные, доказательства. Ветер усилился, зашелестел прошлогодней листвой под ногами. Сумерки сгущались, превращая аллею в туннель из темных загадочных силуэтов.

– Вероника, – наконец сказал он, и в его голосе прозвучала непривычная усталость. – Даже если допустить невероятное... Зачем вы здесь? Что вы ищете на этом кладбище?

Она вновь опустила взгляд на памятник, и ее лицо озарила мягкая, печальная улыбка.

– Я ищу то, чего нет в мире живых. Разве может кто-то любить так, как любят в поэмах и рассказах? Безумно, верно, вне времени. Так любить, что я готова прийти на невозможную встречу даже сюда, на кладбище. Вы же понимаете, такого сейчас не бывает. Таких романтиков больше нет...

Альберт Петрович ничего не понял. Он смог усвоить лишь только то, что перед ним не сумасшедшая, а какая-то другая, не менее сложная и беспокойная категория людей.

И эта категория с ее «свиданиями на кладбище» грозила превратить его тихое, упорядоченное местечко в театр абсурда. Он сухо кивнул, поправил лацканы пиджака.

– Н-да. Просто будьте, пожалуйста, осторожнее. И без спиртного! Это все-таки общественное место.

– Да-да, разумеется, – тихо сказала она. – До свидания, Альберт Петрович.

Он ушел, не оборачиваясь, чувствуя на своей спине спокойный взгляд «мадам» и холодное, насмешливое дыхание надвигающейся истории. Она обрела голос, лицо и твердую, душещипательную веру. Борьба с ней грозила стать куда сложнее, чем с сорняками на газонах.

После разговора с Вероникой Альберт Петрович пребывал в состоянии, которое можно было бы обозначить как «профессиональный ступор». Логика, этот верный компас его бывшей инженерной и нынешней смотрительской жизни, отказывалась работать. С одной стороны – явная, вопиющая мистификация. С другой – спокойная уверенность женщины и даже кое-какие внезапные улики: письмо, бумага, почерк, брошь. Охранники, усиленно дежурившие у старого сектора, доложили: подозрительных посторонних, приближающихся к могиле Хутко-Знички, не замечено. А Вероника тем не менее вновь собирала у памятника письма, маленькие букеты ландышей и какие-то презенты, словно все это само по себе материализовалось из сырого весеннего воздуха.

Полное отсутствие следов и отчетов охраны начало дей-

ствовать зрителю на нервы. Рутинность его мира дала трещину, и в эту трещину задувал ледяной иррациональный ветерок. Пятно на репутации теперь виделось ему неминуемой черной, расползающейся кляксой.

Решено было действовать по старинке, методом личного наблюдения. Уходя с работы, он сделал широкий крюк через всю территорию и затаился за красной стеной памятника Янки Купалы. Именно отсюда открывался отличный обзор на камень нужного мистического поэта.

Засада оказалась делом мучительным и унижительным. Ноги быстро затекли, в спине заломило – все-таки шестьдесят годков это вам не лихие двадцать. Наползающие сумерки медленно пожирали краски дня, превращая пейзаж в черно-белую гравюру. Влажный холод пробрался под пальто, и Альберт Петрович горько усмехнулся в темноте: бывший главный инженер часового завода «Луч», а ныне – смотритель высшего разряда, сидит в засаде на кладбище, поджидая призрака или мошенника. Жизнь определенно выдумывала сюжеты куда круче, чем некоторые писатели.

Он уже начал подумывать о том, чтобы с позором вернуться в теплую контору, как услышал шаги. Не легкие женские, а тяжелые, мерные, грубые. Из-за поворота аллеи с граблями наперевес вышел дворник.

Молодой мужчина в потертой зеленой робе и резиновых сапогах. Лицо простое, усталое, совершенно обыкновенное. Он работал здесь недавно, с Рождества. Альберт Петрович

видел парня на утренних планерках и никогда не слышал в его адрес жалоб. И если память ему не изменяла, этого юношу зовут Степаном... Или же Семеном? Точно Семеном. Хотя попробуй еще запомнить всех дворников по именам, никто здесь надолго не задерживается.

И этот самый Семен, оглядевшись, вдруг изменился. Плечи его расправились, движения стали точными и быстрыми. Он прислонил грабли к дереву, еще раз окинул взглядом пустынную аллею и, не заметив зрителя, уверенно направился напрямиком к той самой могиле Хутко-Знички.

Петрович затаил дыхание. Сердце заколотилось где-то в горле.

Семен остановился у плиты. Достал из внутреннего кармана робы конверт – не современный белый, а желтоватый, со старинным тиснением воском. Аккуратно положил его в щель надгробия и следом из того же кармана извлек изящный бархатный мешочек алого цвета. Оставил его у основания, присыпал гравием, выровнял подошвой сапога. Все это было сделано методично, с почти что нежной тщательностью. Затем он постоял еще секунду, кивнул камню, как знакомому, развернулся, подобрал грабли и ушел прочь тем же неторопливым рабочим шагом.

В первые секунды Петрович просто оцепенел от нахлынувшей смеси чувств: триумфа, злобы и какого-то дикого, нелепого облегчения. Все-таки не призрак! Живой человек! Мелкий хулиган в робе дворника. Вся мистическая мишура,

все это напряжение, весь этот вздор с письмами и брошками – и вот он, источник, копошится в гравии.

Ярость поднималась в нем пузырями. Он встал, не чувствуя ни затекших ног, ни ломоты в спине, и крикнул в сгущающиеся сумерки голосом, дребезжащим от бешенства:

– Семен! Ко мне! Немедленно!

Тот, уже почти скрывшийся за поворотом, вздрогнул всем телом, обернулся. Увидев фигуру зрителя, выходящую из-за памятника Купалы, замер, и на его лице мелькнули и испуг, и растерянность, и досада. Альберту Петровичу стало окончательно понятно: попался!

В кабинете, под жестким светом люминесцентной лампы, Семен стоял молча, опустив голову.

– Ну-ка просвети меня, дружок, – зашипел Альберт Петрович, не садясь и опираясь руками на стол. – Что это было? Перформанс? Кладбищенский роман в стиле барокко? Может, у тебя еще и перо фазанье припрятано для каллиграфических упражнений, а?

Семен молчал.

– Говори! – рявкнул Петрович, ударив ладонью по столу. Папка с графиками подпрыгнула. – Или ты думаешь, я поверю, что это дух поэта тебя на подработку нанял? Что ты там в мешочек-то спрятал? Еще одну брошь для сумасшедшей?

– Гребень, – тихо, но четко сказал Семен. – Резной. Деревянный. Для волос.

Эта простая бытовая деталь на мгновение обезоружила

Альберта Петровича. Он фыркнул.

– Ах, гребень! Как мило. А письмо? Очередной шедевр про «ласковый луч в царстве тьмы»? Это ты все? А, Семен?

– Да, я, – ответил тот, наконец подняв голову. В его глазах не было страха. Было усталое, вымученное спокойствие. – Аспирант кафедры белорусской филологии и зарубежной литературы БГУИЯ. Пишу диссертацию по забытым поэтам девятнадцатого века. В том числе – по Владимиру Хутко-Зничке.

– Bravo! – Альберт Петрович издевательски захлопал в ладоши. – Аспирант! И как научная деятельность сочетается с подкидыванием любовных записок на могилы?

Теперь Семен смутился. Он покраснел, отвел взгляд.

– Это... вышло случайно. Мы с ней... с Вероникой... Познакомились на литературных чтениях. У нас совпадали интересы, вкусы. Она реставратор старых книг, мы оба соприкасаемся с древней литературой, и я... Я решил пригласить ее на кофе. На свидание. Не успел... В какой-то момент чтений мы сцепились из-за творчества Хутко-Знички. Она сказала, что я совершенно не разбираюсь и слишком далек от понимания поэта... Иронично, не правда ли? – Семен замолчал, его пальцы сжались в кулаки, костяшки побелели. – Не разбираюсь! А я изучаю именно его уже пять лет. И знаю все! Почерк, стиль, ритм. Все сохранившиеся черновики перечитал! А вокруг – вот эти разговоры. Друзья вот спрашивают: «Ну и что ты с этой своей пылью вековой будешь де-

лать?» Родители туда же: «Хоть бы что-то популярное, востребованное взял...» Даже некоторые на кафедре не напрямую, но взглядом дают понять: мол, героический труд, Семен, но твой Хутко-Зничка – вообще никто, в учебники не попал и не попадет. Как будто если имя не у всех на слуху, то и ценности в нем нет. Пусть пепел. Но в этом пепле – суть! И я это знаю.

Он умолк. Альберт Петрович сложил руки на груди, ожидая дальнейших объяснений. Семен тихо продолжил:

– Я решил доказать Нике, что разбираюсь. И у меня получилось. Началось как шутка, после которой мы бы точно встретились за чашкой кофе. Я подкинул ей первое письмо на чтениях. В конце просил ее прийти сюда, навестить. Было совершенно понятно, что она не поедет на кладбище из-за невинной шутки. Но... Она пришла.

По его лицу пробежала тень того самого безумия, которое Альберт Петрович накануне видел и у Вероники.

– Она сперва не верила, но написала ответ. И подкинула к могиле... Прошу, Альберт Петрович, только не увольняйте меня! Мне нужны ее ответы. Ее вера. Ее любовь ко мне. Если бы не роба и грабли, она бы давно увидела, что это я хожу, что это у меня есть такой прямой доступ, и все бы рухнуло... Она должна продолжать верить, поверьте, ей это тоже надо!

Кабинет погрузился в тишину, нарушаемую лишь тяжелым дыханием обоих. Все было так просто, так по-человечески понятно. И от этого – в тысячу раз опаснее для некро-

польского порядка.

– Ты понимаешь, – начал зритель уже без крика, но с ледяной вежливостью, – что из-за твоих любовных игр все кладбище на ушах? Что твоя пассия уже в интернете? Коллеги меня уже с призраками поздравляют! Вероника твоя вместо тебя, живого умного мужика, шастает, как безумная, к надгробию, к полтергейсту на свидания, понимаешь?

Семен резко поднял голову, и в его глазах вспыхнул протест.

– Она не безумная! Она... она ищет чудо! А я...

– А ты это чудо ей устроил, ага, – перебил Петрович. – Молодец. Романтик! С последствиями для имиджа целого кладбища! Знаешь что, дружок? Завтра же позвоню на твою кафедру. Расскажу, чем их аспирант в свободное от науки время занимается. Как он историко-культурные памятники для любовной переписки использует. Думаешь, после этого тебя хоть к какой-нибудь диссертации допустят?

И вот тут, наконец, спокойствие слетело с Семена, точно маска. Лицо его побелело. В глазах мелькнул настоящий, животный страх человека, у которого выбивают из-под ног последнюю опору.

– Нет... вы не можете! Я же... это же... Да ну нет же!

– Могу, – холодно перебил Альберт Петрович, размышляя о сложившейся ситуации. – И сделаю. Либо тебе придется следовать моим правилам! Ни одного нового письма до конца этой недели. Сейчас же марш домой. Ясно?

Семен сжал сильнее кулаки, кивнул, не в силах вымолвить ни слова, и выбежал из кабинета, задев плечом стеллаж.

Альберт Петрович оказался один. Ярость его схлынула, оставив после себя тяжелую горечь и какое-то щемящее понимание. Два дурака. Он и она. Один выдумывает призраков, чтобы доказать свою правоту и быть ближе к любимой. Другая – верит в призраков, потому что жаждет романтических подвигов и книжной любви. Вот уж парочка!.. Точно два магнита, что тянутся друг к другу. Что с ними делать? Цинично вырвать обоих из воображаемого мирка или же...

На часовом заводе каждая неполадка имела свою технологическую карту решения. Здесь, в его городке мертвых, проблема была живой, иррациональной. И что в «технологической карте»? Увольнение Семена? Запретить Веронике вход? Это лишь раздует скандал. Удалить интернет? Не в его компетенции, увы... Разумного ответа не было. Оставалась только тишина кабинета, далекий, тоскливый вой ветра и шелест обласканных светом луны деревьев.

Мысли его, спасаясь от беспомощности, поползли назад, в ту жизнь, что была еще до кладбища. Он закрыл глаза и откинулся в кресле, вспоминая. Главный инженер часового завода. Гул цехов, станки, запах машинного масла и металлической стружки. А ведь там он когда-то был даже счастлив. Пока его не задушила бюрократия. Бесконечные совещания, согласования, планы, корректировки планов, борьба за тендеры, показуха, бумаги, бумаги, бумаги... Целые дни,

уходящие на битву с бестелесной бюрократией, в то время как реальные станки тихо старели и разваливались. Он чувствовал себя не инженером, а клерком в аду, где вместо огня полыхали костры из отчетов.

Одним днем, написав заявление «по собственному», он ушел. Сбежал в место... потише. Место, где коллеги по цеху уже не могут требовать чертежей, ибо лежат под мраморными плитами. Место, где итог работы такой наглядный, осязаемый и вечный: чистые дороги, подкрашенная ограда, ровно подстриженный газон. А чтобы самому не помереть от тоски идеального порядка, он с головой окунулся в «Некропольские игры». Это была отдушина, азарт, его способ доказать, что даже здесь, среди вечного покоя, можно быть лучшим. И ровно двенадцать лет подряд его кладбище было первым! А теперь...

Теперь он проиграл. И в довершение всего, на его территорию, как пародия на все усилия, вторглись эти двое со своей на удивление живучей трагикомедией. Они одним своим существованием высмеяли всю его систему. Внесли в нее «коэффициент поэзии» – иррациональный, не поддающийся расчету. Петрович открыл глаза и уставился в потолок, на ажурные тенета и их хозяина, которого он как-то не замечал раньше. Что же делать? С паутиной, парочкой, титулом, да вообще со всем этим...

Альберт резко выпрямился в кресле. Решение было принято. Безумное, циничное, отчаянное. Но решение! Завтра

он вызовет Семена на разговор. И продиктует ему особые условия. А пока...

Он вздохнул, подошел к окну и посмотрел на свой некрополь. Месяц, яркий и холодный, перебивая оранжевый свет фонарей, мягко сиял на позолоте крестов, на полированном граните памятников, на колоколах храма. Все как всегда, но что-то чуть-чуть поменялось. В тишину между камней вползла новая, странная мелодия. И ему предстояло теперь дирижировать этим безрассудным оркестром из влюбленного дворника и мечтающей о той самой любви «мадам». Разумеется, ради порядка. И титула. И ради того, чтобы хоть в этом, последнем его царстве, все было «самым-самым».

Семен явился в кабинет смотрителя с видом приговоренного, идущего на эшафот. Лицо его было бледным, точно саван, глаза упорно смотрели куда-то вдаль. Он, казалось, уже смирился со всем: с увольнением, с позором на кафедре, с крахом своих безумных бархатно-мешочных надежд. Но Петрович не стал его томить.

– Вот мои условия, поэт. Твоя переписка с этой барышней, Вероникой, продолжится. И спешу тебя поздравить – она будет развиваться. Но отныне и впредь каждое твое письмо, каждый подарок проходит через меня. Я – цензор, редактор и художественный руководитель этой... эпистолярной оперы. Ты предоставляешь мне черновик. Я вношу правки. Ты переписываешь на своей старинной бумаге вензелями и мо-

нограммами, только потом подкладываешь. Ясно?

Семен поднял на него взгляд, в котором бушевали страх и недоверие.

– Правки? Какие правки? Вы... вы хотите диктовать, что я должен ей писать? В моих любовных признаниях?

– Ну, вообще-то, признаешься в любви не ты, а наш уважаемый Владимир Хутко-Зничка. А так, да, все верно, – холодно подтвердил Альберт Петрович. – Потому что твои романтические вирши, Семен, при всем их историческом соответствии, несут в себе уж больно неуместный душевный изъян. Но ничего, вместе мы все подправим.

Он видел, как в глазах молодого человека идет борьба. Любовь, страх, амбиции, стыд... Все это клубилось в его взгляде. В конце концов, плечи Семена бессильно опустились. Он кивнул, не в силах выговорить и слова.

– Отлично, – сказал Альберт Петрович. – Жду к обеду первый черновик. А теперь свободен.

Дебютное «отредактированное» письмо было подброшено на следующий же день. Смотритель, совершая обход, издали наблюдал, как Вероника, найдя его, трепетно раскрывает конверт и приступает к чтению. Он ждал улыбки, легкого румянца, может быть, робкого вздоха. Вместо этого он увидел, как ее лицо постепенно застывает, бледнеет. Пальцы, державшие лист, задрожали. Она дочитала, опустила руки и... заплакала. Не истерично, а тихо, безнадежно, как плачут

над невозвратимой потерей.

Альберт Петрович, почувствовав неожиданный укол чего-то, очень похожего на совесть, медленно приблизился.

– Вероника, добрый вечер. Что-то случилось? Опять... письмо?

Она кивнула, не поднимая головы, и вытерла щеку тыльной стороной ладони.

– Он... он так несчастен. Он пишет... что его сердце, и без того закованное в вечный лед, разбито. Что его творчество, его любовь – все это погребено под толщей времени и равнодушия. Он слышит наши голоса, но не может ответить. Он так одинок, что даже память о нем зарастает мхом и гадким бурьяном... – Голос ее сорвался. Она показала на окружающие заброшенные могилы. – Володя просит не цветов для себя. Он просит, чтобы здесь стало светло и чисто. Чтобы хоть здесь, среди мертвых, была какая-то красота и порядок. Это же... это же крик души, вы понимаете? Вы чувствуете?

Альберт Петрович понимал. Он понимал, что слушает результат своей собственной, циничной правки. И этот результат, облаченный в поэтическую форму, оказался не только убедительным, но и ранящим. Вот те на!

– Вероника, – осторожно начал он. – Вы же сами говорите – он мертв. Дух, призрак... Может, не стоит так принимать близко к сердцу слова из потустороннего мира?

Она резко подняла на него глаза. Хоть в них и стояли слезы, но горели они ясно.

– А почему нет? – спросила она с вызовом. – Почему нельзя верить в любовь, которая сильнее смерти? Нет-нет, я не сошла с ума, не думайте! – Она встала, сжимая в руке злополучное письмо. – Вы посмотрите вокруг! На живых! Разве они способны на такое? На безумные, прекрасные, самоотверженные поступки? На письма, написанные кровью сердца, а не отправленные в два клика в мессенджере? На рифму и метафору острого ума, а не вирши, состряпанные нейросетью? На подарки, в которые вложена душа, а не только деньги? На свидание, куда идут не потому что одиноко или пора создавать семью, а потому что не пойти – все равно что перестать дышать? Где эта любовь? Я ее не вижу. Она умерла. А здесь... здесь она еще жива. Пусть и в таком странном виде. Чудаковатом, мистическом. Сказочном. Но она – настоящая. Я это чувствую. Знаю.

Она замолчала, переводя дух. Альберт Петрович стоял, ощущая неловкость человека, нечаянно подсмотревшего чужую исповедь. Внутренне он усмехнулся: вот она, ирония. Он, заставивший писать о тоске и одиночестве, теперь слушает, как эта тоска отражается в живом сердце, и отражается даже убедительнее, чем в оригиналах Семена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.